

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
К60

Серия «Голодные игры: сага-легенда»

Suzanne Collins
BALLAD OF SONGBIRDS AND SNAKES

Перевод с английского *Д. Целовальниковой*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
Intercontinental Literary Agency Limited.

Коллинз, Сьюзен

К60 Баллада о змеях и певчих птицах : [фантастический роман] / Сьюзен Коллинз ; [перевод с английского Д. Целовальниковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 512 с. — (Голодные игры: сага-легенда).

ISBN 978-5-17-122118-8

Его подпитывает честолюбие.

Его подхлестывает дух соперничества.

Но цена власти слишком высока...

Наступает утро Жатвы, когда стартуют Десятые Голодные игры. В Капитолии восемнадцатилетний Кориолан Сноу готовится использовать свою единственную возможность снискать славу и почет. Его некогда могущественная семья переживает трудные времена, и их последняя надежда — что Кориолан окажется хитрее, сообразительнее и обаятельнее соперников и станет наставником трибута-победителя.

Но пока его шансы ничтожны, и всё складывается против него...

Ему дают унижительное задание — обучать девушку-трибута из самого бедного Дистрикта-12. Теперь их судьбы сплетены неразрывно — и каждое решение, принятое Кориоланом, приведет либо к удаче, либо к поражению. Либо к триумфу, либо к катастрофе.

Когда на арене начинается смертельный бой, Сноу понимает, что испытывает к обреченной девушке непозволительно теплые чувства. Скоро ему придется решать, что важнее: необходимость следовать правилам или желание выжить любой ценой?

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

© Suzanne Collins, 2020

Школа перевода В. Баканова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Посвящается Нортону и Джин Джастер

Совершенно очевидно, что без единой власти, способной держать людей в страхе, они пребывают в состоянии, которое зовется войной, а именно в состоянии войны всех против всех.

Томас Гоббс, «Левиафан», 1651 г.

Естественное состояние есть закон природы, который гласит: все люди свободны и равны, и никто не вправе распоряжаться ни жизнью, ни свободой, ни имуществом другого человека.

Джон Локк, «Два трактата о правлении», 1689 г.

Человек рождается свободным, а между тем всю жизнь он в оковах.

Жан-Жак Руссо, «Об общественном договоре», 1762 г.

*Сладость знания сродни экстазу;
И наш настырный разум,
Стремясь прелестные творения познать,
Готов и убивать их, и кромсать.*

Уильям Вордсворт, «На попятную»,
«Лирические баллады», 1798 г.

*Я думал о добродетелях, которые он выказывал
в начале своего существования, и о том, как все добрые
чувства в нем угасли благодаря отращению и презре-
нию со стороны его покровителей.*

Мэри Шелли, «Франкенштейн», 1818 г.

Часть I

МЕНТОР

Глава 1

 Кориолан опустил пригоршню капусты в кастрюлю с кипящей водой и поклялся, что в один прекрасный день в рот не возьмет эту гадость. Увы, пока надо терпеть. Чтобы во время церемонии Жатвы в животе не урчало от голода, придется съесть большую миску бледной бурды и выпить всю жижу до капли. Очередная мера из длинного списка ухищрений, с помощью которых он пытался скрыть, что семья Сноу, несмотря на проживание в пентхаусе одного из самых роскошных домов Капитолия, совсем обнищала. В свои восемнадцать лет наследник некогда великого дома был беден, как оборванец из дистрикта, и перебивался с хлеба на воду.

Его беспокоила рубашка, которую он собирался надеть на церемонию Жатвы. Строгие темные брюки, купленные на черном рынке в прошлом году, еще вполне годились, но люди смотрят в первую очередь на рубашку. К счастью, для повседневных нужд Академия предоставляла ученикам форму, однако на сегодняшнюю церемонию им велели одеться нарядно и в то же время торжественно. Тигрис обещала что-нибудь придумать, и Кориолан ей верил. Кузина искусно обращалась с иглой и ниткой и до недавнего времени неизменно его выручала. Впрочем, на этот раз ждать чуда не приходилось.

Отцовская рубашка из недр шкафа вся была в пятнах, за давностью лет пожелтела и лишилась половины пуговиц, к тому же один манжет прожгли сигаретой. Таковую не продашь и тем более не наденешь на церемонию. На рассвете Кориолан зашел в комнату кухни и не обнаружил ни ее, ни рубашки. Это не к добру. Неужели Тигрис отказалась от мысли привести рубашку в порядок и помчалась на черный рынок за подходящей обновкой? Ведь расплатиться ей совершенно нечем! Точнее, нечем, кроме себя самой, а Сноу пока еще не пали столь низко. Или уже пали, пока Кориолан сидит сиднем и варит свою капусту?

Кориолан представил, как идет торг. Красотой Тигрис не отличалась — сама тощая, нос длинный, с заостренным кончиком, — зато ей присуща некая свежесть и ранимость, которые располагают к насилию. Если девушка решит продать себя, то покупатель непременно найдется. При мысли об этом Кориолана замутило, он ощутил беспомощность и отвращение к самому себе.

Из глубины апартаментов зазвучал гимн Капитолия, «Алмаз Панема». Мадам-Бабушка выводила слова дрожащим сопрано, и голос разносился гулким эхом.

*Алмаз Панема,
Город великий,
Ты блистаешь на все времена.*

Как всегда, старуха отчаянно фальшивила и не успевала за музыкой. В первый год войны она включила запись в дни государственных праздников, чтобы развивать у пятилетнего Кориолана и восьмилетней Тигрис патриотические чувства. Ежедневное исполнение гимна началось с того черного дня, когда мятежные дистрикты осадили Капитолий, перекрыв снабжение на два последних года войны. «Помните, — твердила она детям, — наш город осажден, но

мы не сдались!» Бомбы сыпались с неба дождем, а Мадам-Бабушка, распахнув окно, во все горло распевала гимн. На свой лад она тоже боролась с повстанцами.

*Смиренно встаем
Пред тобой на колени...*

Некоторые ноты ей взять не удавалось...

И клянемся в любви навсегда!

Кориолан поморщился. Уже десять лет как мятеж подавлен, а Мадам-Бабушка никак не успокоится. Оставалось целых два куплета.

*Алмаз Панема,
Ты Фемиды оплот,
Мудрость мраморный лоб твой венчает.*

Кориолан задумался, приглушила бы звуки мебель, останься ее больше. Впрочем, вопрос был чисто теоретический. Пентхаус, израненный шрамами безжалостных атак, напоминал Капитолий в миниатюре. По высоким стенам змеились трещины, лепной потолок щерился дырами, уродливые черные полосы изоленты скрепляли разбитые стекла в арочных окнах, из которых открывался вид на столицу. За годы войны и десятилетие после нее семейству Сноу пришлось продать или обменять на еду большую часть своего имущества, в результате чего многие комнаты совершенно опустели и стояли запертыми. Хуже того, в последнюю зиму осады грянули страшные холода, и на растопку пошла не только изящная резная мебель, но и огромная библиотека. Кориолан со слезами на глазах наблюдал, как превращаются в пепел книжки с яркими картинками, те самые, над которыми он склонялся когда-то вместе с матерью. Впрочем, лучше быть грустным, чем мертвым.

Кориолану приходилось бывать в гостях у друзей, и он знал, что большинство семей уже приводят свои дома в порядок, однако Сноу не могли себе позволить даже пару ярдов льна на новую рубашку. Он думал об одноклассниках, роющихся в битком набитых шкафах или надевающих пошитые у портного новые костюмы, и гадал, сколько еще удастся сохранять видимость благополучия.

*Пресёк ты бесчинства
И дал нам единство.
Тебе на верность мы все присягаем.*

Что делать, если Тигрис не удастся привести рубашку в порядок? Симулировать грипп и сказаться больным? Сочтут сдюнтяем. Явиться в школьной рубашке? Сочтут нахалом. С трудом втиснуться в старую красную рубашку, из которой он уже пару лет как вырос? Сочтут нищепродом. Какой вариант выбрать? Ни один не годится.

Наверное, Тигрис отправилась за помощью к своей наставнице, Фабриции Дребедень — женщине столь же нелепой, как и ее имя, зато весьма искусной в подражании модным тенденциям. Ее не смущало ни сочетание перьев с кожей, ни пластмассы с плюшем, и она всегда умудрялась совмещать их в нужных пропорциях. В школе Тигрис училась посредственно, поэтому поступать в Университет не стала и после окончания Академии решила осуществить свою давнюю мечту и податься в дизайнеры. Предполагалось, что ее берут на должность подмастерья, но Фабриция скорее использовала ее как рабыню: заставляла делать массаж ног и прочищать стоки, забитые клочками ее длинных пурпурных волос. Впрочем, Тигрис так радовалась причастности к миру моды и была так благодарна Фабриции, что никогда не жаловалась и не желала слышать в адрес своей патронессы ни малейшей критики.

*Алмаз Панема,
Средоточие власти,
Рагетель наш в мире, щит в годину войны.*

Кориолан открыл холодильник в поисках того, чем закусить отварную капусту. На полке сиротливо грустила одинокая кастрюлька. Сняв крышку, Кориолан обнаружил застывшую кашницу из нарезанного сырого картофеля. Неужели Мадам-Бабушка наконец претворила свою угрозу в жизнь и учится готовить? Это вообще съедобно? Он прикрыл месиво крышкой, не намереваясь рисковать без нужды. Эх, с каким бы наслаждением он вытряхнул это в мусор! Да уж, мусор стал роскошью. Кориолан вроде бы помнил, как совсем маленьким он наблюдал за вывозом мусора. На специальных грузовиках работали безгласые (рабочий без языка — лучший рабочий, утверждала Мадам-Бабушка), которые гудели себе под нос, собирая большие пакеты с выброшенными продуктами, бутылками и всяким старьем из домашнего обихода. Потом наступили Темные Времена, и люди выбрасывать перестали, цепляясь за каждую калорию, за любую вещь, которую можно продать или обменять, сжечь для обогрева или заткнуть ею щели для утепления. Жители Капитолия научились хозяйственности. Впрочем, постепенно нужда военных лет сошла на нет, и мода на расточительство вернулась. Как и на приличные рубашки...

*Твердой рукой
Защити нашу землю...*

Рубашка! Рубашка. Кориолан имел привычку заикливаться на проблеме и долго ее обдумывать. Словно возможность контролировать какой-нибудь мелкий элемент своего мирка уберегала его от полного краха. Плохая привычка, из-за нее он не замечал других вещей, куда более значительных и опасных. Склонность к навязчивым идеям гнездилась

у него в мозгу и вполне могла закончиться плачевно, если не удастся ее преодолеть.

Писклявый бабушкин голос провизжал финальное крещендо.

О Капитолий, ты — наша жизнь!

Сумасшедшая старуха навеки застряла в предвоенной поре. Кориолан ее любил, но Мадам-Бабушка давно утратила всякую связь с реальностью. За столом она без умолку трещала о величии дома Сноу, даже если на обед у них были лежалые крекеры и водянистый фасоловый суп. Послушать ее, так внука непременно ждало великое будущее. «Вот когда Кориолан станет президентом...», — часто говаривала она. Якобы при нем мигом все наладится — от изрядно потрепанных в боях военно-воздушных сил до непомерных цен на свиные отбивные. К счастью, сломанный лифт и старческий артрит прогулкам не способствовали, а бабушкины редкие гости были такими же доисторическими ископаемыми, как и она сама.

Капуста начала закипать, наполняя кухню запахом нищеты. Кориолан помешал варево деревянной ложкой. Тигрис все не шла. Скоро будет слишком поздно звонить в Академию с отговорками. Все соберутся в Хевенсби-холле, актовом зале Академии. Сатирия Клик, преподаватель Агитации и пропаганды, здорово разозлится и вдобавок расстроится, ведь это благодаря ей Кориолан стал одним из двадцати четырех менторов в Голодных играх. Он был не просто любимчиком Сатирии, а еще и ее ассистентом, и наверняка мог сегодня понадобиться. Порой Сатирия вела себя непредсказуемо, особенно когда напивалась. День Жатвы без выпивки, разумеется, не обходился никогда. Лучше позвонить ей и предупредить, что у него открылась рвота или еще что-нибудь такое и он активно лечится. Кориолан собрался с духом и поднял трубку телефона, намереваясь сослаться на

страшный недуг, и вдруг ему пришла в голову другая мысль. Если он не сможет участвовать, станут ли ему искать замену? И если да, то не повлияет ли это на его шансы выиграть премию для выпускников Академии? В таком случае на учебу в Университете можно не рассчитывать, и тогда прощай карьера, прощай будущее — и его собственное, и всей его семьи...

И тут с протяжным скрипом распахнулась искоренная и давно не смазанная парадная дверь.

— Корио! — окликнула Тигрис.

Кориолан швырнул трубку на рычаг. Детское прозвище, придуманное ею в младенчестве, пристало навсегда. Он выбежал из кухни и едва не сбил кухню с ног. На радостях она обошлась без упреков.

— Получилось! У меня получилось!

Возбужденно приплясывая на месте, Тигрис протянула ему вешалку, заботливо обернутую старым чехлом для одежды.

— Смотри, смотри, смотри!

Кориолан расстегнул чехол и вытащил рубашку.

Шикарно! Нет, даже лучше — стильно! Плотная льняная ткань не стала белой как прежде, зато и желтизна ушла, рубашка приобрела восхитительный светло-кремовый оттенок. Манжеты и воротник Тигрис сшила из черного бархата, пуговицы заменила золотыми и черными кубиками. Тессера, керамическая мозаика. В каждом кусочке виднелись крошечные дырочки для нитки.

— Ты — гений, — признал Кориолан, — и лучшая кухня на свете! — Вытянув руку с рубашкой подальше, чтобы не помять, он обнял Тигрис свободной рукой. — Сноу всегда берут верх!

— Сноу всегда берут верх! — радостно пропела Тигрис. Этот девиз помог детям выжить в годы войны, когда их род едва не исчез с лица земли.

— А теперь рассказывай! — велел Кориолан, чтобы сделать кухне приятное, ведь она обожала разговоры об одежде.